

ДОКУМЕНТЫ

Публикация А. А. Иванова и С. В. Машкевича

С. Т. Варун-Секрет. «А. Д. Протопопов и последние дни Государственной думы»

Иванов Андрей Александрович
д-р ист. наук, проф.,
Санкт-Петербургский
государственный
университет
(Санкт-Петербург,
Россия)

Машкевич Стефан Владимирович
д-р физ.-мат.
наук, вед. науч.
сотр., Институт
теоретической
физики имени
Н. Н. Боголюбова
Национальной
академии наук
Украины (Нью-Йорк,
США; Киев, Украина)

Сергей Тимофеевич Варун-Секрет (01.09.1868–30.04.1962), вне всякого сомнения, должен быть отнесен к представителям российской парламентской элиты. Депутат Государственной думы Российской империи трех созывов, один из лидеров октябристов, председатель земской группы, член думского президиума и старший товарищ (заместитель) председателя IV Думы. Уже этот набор характеристик дает все основания считать его принадлежащим к элитарному слою думцев, «выступавших хранителями и воспроизводителями парламентских ценностей, возобновлявших свои думские функции из созыва в созыв»¹. Между тем, не считая единственной энциклопедической статьи², специальных работ, посвященных его жизни и политической деятельности, до сегодняшнего дня не написано. Впрочем, это неудивительно. Дело в том, что, несмотря на заслуженный авторитет в Государственной думе, Варун-Секрет не был героем думских скандалов, не проявил себя как яркий оратор или публицист и все время находился как бы в тени, не привлекая к себе внимания прессы и общества. Показательно, что, хотя его фамилия довольно часто встречается в мемуарах государственных и политических деятелей начала XX в., никто из мемуаристов подробно не останавливался на его личности, упоминая его лишь в связи с теми или иными

С. Т. Варун-Секрет

Источник: Российский государственный исторический архив. Ф. 1278. Оп. 9. Д. 115

событиями, участником которых он был. Не опубликованы до сих пор и его весьма интересные и информативные мемуары, посвященные последним месяцам существования самодержавной России, личности и деятельности последнего министра внутренних дел Российской империи А. Д. Протопопова и роли Государственной думы в Февральской революции 1917 г.

С. Т. Варун-Секрет происходил из потомственных дворян Херсонской губернии. Окончив Петровский Полтавский кадетский корпус и Николаевское кавалерийское училище по 1-му разряду (1887), Варун-Секрет был выпущен корнетом в 21-й драгунский Белорусский полк. Однако военной карьере молодой офицер себя не посвятил и уже в 1890 г. вышел в отставку, поселившись в родовом имении Елисаветградского уезда, где занялся сельским хозяйством и общественной деятельностью — служил мировым судьей, был председателем уездной земской управы

и земским начальником. В это время он прославился своим докладом, «в котором служащие в земстве обвинялись в крайних мнениях»³. В 1906 г. состоялся его дебют в большой политике — Варун-Секрет был избран на съезде херсонских землевладельцев депутатом I Государственной думы, в которой примкнул к правому крылу⁴. Однако это не свидетельствовало о реакционных взглядах политика, поскольку, по замечанию октябриста А. В. Еропкина, «правые скамьи первой Государственной думы были очень малочисленны и по существу вовсе и не являлись правыми, а чисто конституционными, занятыми партией октябристов, без своего главы Гучкова, который в Думу не прошел»⁵. Во II Думе Варун-Секрет примкнул к фракции октябристов, а после ее роспуска вернулся к общественной деятельности, занимая должности почетного мирового судьи (с 1907), уездного предводителя дворянства (1907–1910) и председателя Елисаветградской уездной земской управы (1911–1917). В 1912 г. Варун-Секрет вновь избран членом Государственной думы от Херсонской губернии, став в IV Думе одним из руководителей фракции «Союза 17 октября», а после ее раскола в конце 1913 — начале 1914 г. вошел во фракцию земцев-октябристов (лидер — М. В. Родзянко). 26 ноября 1913 г. Сергей Тимофеевич, снискав в Думе симпатии умеренно-оппозиционных фракций⁶, был избран старшим товарищем председателя Государственной думы, неоднократно исполнял обязанности председателя на думских заседаниях. Помимо этого, Варун-Секрет являлся председателем сложившейся в Думе беспартийной земской группы, объединявшей до 180 депутатов и сосредоточившей свое внимание на законодательстве, регулировавшем деятельность органов местного самоуправления⁷.

В августе 1915 г., как и все члены его фракции, Варун-Секрет присоединился к Прогрессивному блоку, хотя и не разделял радикальных устремлений его левой части. По некоторым сведениям, он входил в бюро оппозиционного блока, но участия в его заседаниях никогда не принимал⁸. Показательно, что, когда 2 марта 1916 г. во время заседания думского Совета старейшин лидер правых Н. Е. Марков выступил против безответственной критики власти, которую вел Прогрессивный блок, требуя от последнего либо перестать «гвоздить правительство», либо открыто пойти революционным путем, Варун-Секрет оказался в числе тех немногих либералов, на кого эти слова подействовали. Испугавшись перспектив, начертанных вождем правых, Варун-Секрет поспешил согласиться, что «пора прекратить речи по внутренней политике и говорить [о ней] только в закрытых заседаниях»⁹.

Летом 1915 г. Варун-Секрет вошел в состав комиссии по делу бывшего военного министра В. А. Сухомлинова, причем занял в ней место, изначально предназначавшееся А. Д. Протопопову, что во многом определило характер ее работы — если Протопопов считался приятелем Сухомлинова, то Варун-Секрет был его недоброжелателем¹⁰.

Именно ему из-за плохого самочувствия Родзянко¹¹ довелось руководить думским заседанием 1 ноября 1916 г. во время знаменитой оппозиционной речи кадетского лидера П. Н. Милюкова, бросившего в адрес власти ставшую знаменитой фразу «глупость или измена?». Не сумев вовремя остановить вышедшего за рамки корректности оратора, коснувшегося в своей речи императрицы Александры Федоровны и ее окружения, Варун-Секрет спустя два дня покинул пост старшего товарища председателя Думы. Таким образом, по словам начальника думской канцелярии Я. В. Глинки, «струхнувшими» октябристами была принесена «бескровная жертва»¹². Извинившись в думском заседании 3 ноября 1916 г., Варун-Секрет объяснял свое бездействие во время сделанных Милюковым неподобающих намеков по адресу императрицы (случай в истории Государственной думы ранее небывалый) тем, что не владеет немецким языком, на который перешел оратор, цитировавший австрийскую прессу¹³.

После победы Февральской революции Варун-Секрет был назначен уездным комиссаром Временного правительства и Временного комитета Государственной думы. Выдвигался кандидатом в члены Учредительного собрания от союза земских служащих¹⁴. В августе 1918 г. он перебрался в Киев, и во время гетманства П. П. Скоропадского некоторое время занимал пост товарища министра внутренних дел. Как вспоминал его бывший софракционер Э. П. Беннигсен, Варун-Секрет, ведавший при гетмане полицией, «с удовольствием» рассказывал ему об осуществлявшихся его подчиненными расправах над большевиками¹⁵. После крушения «гетманшафта» Варун-Секрет был арестован петлюровцами, но при посредничестве Д. Ф. Гейдена вышел на свободу¹⁶. Оказавшись в эмиграции, он жил в Югославии, Германии, а с 1946 г. и до самой смерти — во Франции¹⁷. В 1921 г. Варун-Секрет сотрудничал с Русской национально-демократической партией¹⁸, входил в число лидеров Русского народно-монархического союза (конституционных монархистов)¹⁹, был председателем Русского монархического съезда в Берлине (1922),

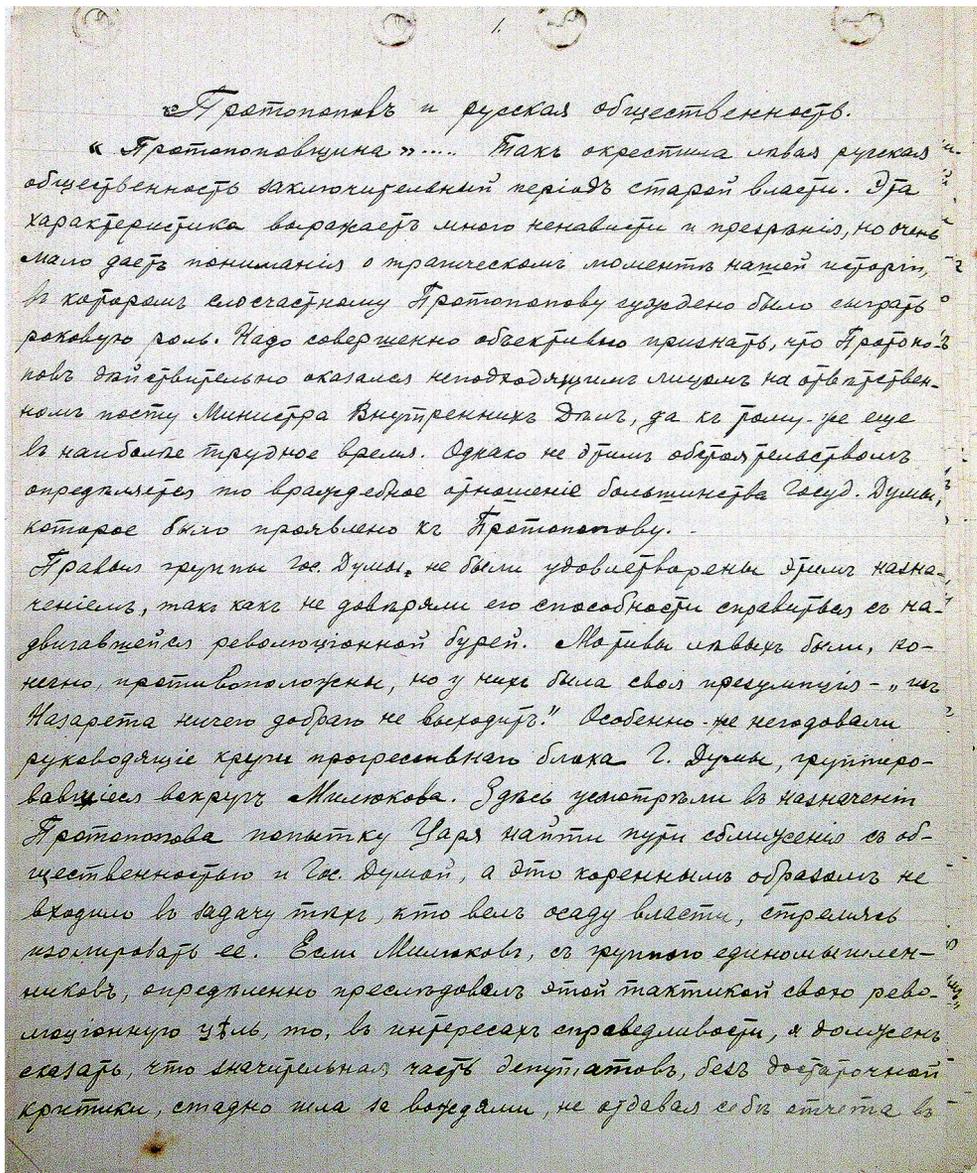
публиковался в эмигрантской берлинской газете «Грядущая Россия»²⁰. Сдвинувшись вправо, Варун-Секрет отмечал в одной из своих эмигрантских статей: «С грустью и горьким чувством безнадежного разочарования приходится вспомнить несостоятельность и убожество либеральной общественности, в руки которой попала власть после отречения царя»²¹. При этом политик признавал, что большевики «явились не бóльшими узурпаторами, чем само Временное правительство, захватившее власть во время бунта»²².

К концу своей долгой жизни Сергей Тимофеевич совершенно ослеп, но «с большим мужеством переносил это несчастье» и «сохранял почти до своих последних дней всю ясность умственных сил и удивительную память»²³. Скончался Варун-Секрет на 94-м году жизни в «Доме Земгора» в пригороде французской столицы Кормей-ан-Паризи (Cormeilles-en-Parisis) и был похоронен на местном кладбище²⁴.

* * *

Публикуемые ниже мемуары С. Т. Варун-Секрета не относятся к числу источников, совершенно неизвестных историкам. Выявленные в Бахметевском архиве русской и восточноевропейской истории и культуры Колумбийского университета (Нью-Йорк, США) П. А. Трибунским, эти мемуары (точнее, сведения из них) использовались в работах таких исследователей Государственной думы, как В. А. Демин, А. Б. Николаев, Е. С. Гавроева (с указанием, что источник был предоставлен им Трибунским)²⁵. Однако ни пространных цитат из мемуаров, ни тем более полного их текста ранее не приводилось. Между тем данные воспоминания представляют несомненный исторический интерес и заслуживают того, чтобы быть доступными широкому кругу читателей, интересующихся политической историей России начала XX в.

Воспоминания, представляющие собой рукописный текст на 24 листах, были написаны Варун-Секретом в Гамбурге в 1922 г. и отправлены автором видному государственному деятелю императорской России С. Е. Крыжановскому (в бумагах которого и отложились). Ссылавшиеся на них исследователи приводят следующее название этих мемуаров: «Протопопов и русская общественность», поскольку такое заглавие значится на первой странице рукописи. Однако в письме к Крыжановскому от 1 ноября 1922 г. Варун-Секрет, отправляя рукопись, писал, что сомневается в правильности данного им заголовка: «Быть может, ее целесообразнее озаглавить “Протопопов и Гос[ударственная] д[ума]”, это, пожалуй, будет более отвечать ее содержанию. Первоначально я имел намерение более широко коснуться общественности, но, сознаюсь, — не вышло. Вероятно, надо думать, по той причине, что короткий период протопоповского времени не дал каких-либо выразительных фактов в его отношениях к русской общественности. Это, конечно, мелочь, тем более что Дума и есть выражение общественности»²⁶. Полагаем, что второе название рукописи — «А. Д. Протопопов и последние дни Государственной думы», — под которым она и значится в Бахметевском архиве, наиболее точно отражает ее содержание.

Первый лист рукописи воспоминаний С. Т. Варун-Секрета

Источник: Columbia University Libraries, Rare book and Manuscript Library, Bakhtmeteff Archive. Sergei E. Kryzhanovskii collection. Box 4

Мемуары публикуются по рукописному оригиналу, извлеченному одним из публикаторов из Бахметевского архива, полностью, без каких-либо сокращений. Очевидные опечатки исправлены без оговорок, также публикаторы

посчитали возможным унифицировать различные авторские сокращения государственных учреждений Российской империи, поменяв их на полные названия (Государственная дума, вместо Г. Дума, Гос. Дума, Госуд. Дума и т. п.). Стилистические особенности авторского текста сохранены, подчеркивания в тексте сделаны автором. Орфография и пунктуация приведены к современным нормам русского языка.

С. Т. Варун-Секрет

А. Д. Протопопов и последние дни Государственной думы

«Протопоповщина»... Так окрестила левая русская общественность заключительный период старой власти. Эта характеристика выражает много ненависти и презрения, но очень мало дает понимания о трагическом моменте нашей истории, в котором злосчастному Протопопову²⁷ суждено было сыграть роковую роль. Надо совершенно объективно признать, что Протопопов действительно оказался неподходящим лицом на ответственном посту министра внутренних дел, да к тому же еще в наиболее трудное время. Однако не этим обстоятельством определяется то враждебное отношение большинства Государственной думы, которое было проявлено к Протопопову.

Правые группы Государственной думы не были удовлетворены этим назначением, так как не доверяли его способности справиться с надвигавшейся революционной бурей²⁸. Мотивы левых были, конечно, противоположны, но у них была своя презумпция — «из Назарета ничего хорошего не выходит»²⁹. Особенно же негодовали руководящие круги Прогрессивного блока³⁰ Государственной думы, группировавшиеся вокруг Милюкова³¹. Здесь усмотрели в назначении Протопопова попытку царя найти пути сближения с общественностью и Государственной думой, а это коренным образом не входило в задачу тех, кто вел осаду власти, стремясь изолировать ее³². Если Милюков с группой единомышленников определенно преследовал этой тактикой свою революционную цель, то в интересах справедливости я должен сказать, что значительная часть депутатов без достаточной критики стадно шла за вождями, не отдавая себе отчета в том, почему и она оказалась враждебной к Протопопову. Это было тем более странно, что лозунгом того времени было Министерство народного доверия³³ и, казалось бы, всякий шаг власти навстречу такому домогательству должен бы был принят благожелательно. Но случилось обратное. Разгадка этого в том, что самый лозунг являлся фальшью и лицемерием. Он заключал в себе совершенно иной смысл и совершенно иное значение.

Эта формула была изобретена в тех революционно-конспиративных кругах, которые подготавливали переворот, а в Государственной думе ее глашатаем был г. Милюков. Протопопов, таким образом, являлся помехою. Ведь могло случиться, что вслед за Протопоповым последуют дальнейшие назначения, которые, в своей совокупности, придадут составу Кабинета характер провозглашенного лозунга. Слухи об этом распространялись довольно

настойчиво. Было, конечно, ясно, что в состав такого Кабинета не попадут представители радикального лагеря общественности, а в этом и заключалась вся суть опасений. Ответственность ведь, в сущности, признавалась только от к-д³⁴ и влево, хотя об этом деликатном вопросе обычно умалчивали. Следует вспомнить, что русское общество долгие годы систематически воспитывалось в специфическом понимании значения общественности. Последняя провозглашалась «началом добрым» в противовес власти и бюрократии — как «началу злему». Два лагеря: «мы» и «они». Общественность считалась непогрешимой, справедливой, беспристрастной, бескорыстной и жертвенной; на этой стороне была монополия понимания народных нужд и защиты его [народа] интересов. А там, «у них», — своекорыстие, ложь, личный интерес и угнетение народа.

Я не хочу касаться анализа этого явления и доискиваться его отправных причин; достаточно отметить самый факт такого разделения общества и власти, в котором одна сторона пользовалась выигрышной позицией безответственной критики, а другая находилась под бременем тяжелого, реального, ответственного дела. Это разделение не только искусственно поддерживалось, но и использовано было как система борьбы. Всякий общественный деятель, принимавший правительственную службу, уже этим самым как бы умалял свой удельный вес, престиж и значение. И первое обвинение, предъявленное Протопопову, было именно так и [с]формулировано: он перешел к «ним». Оно не подлежало, конечно, официальному оглашению по многим причинам, и потому для публики объявлены были другие мотивы; молва не замедлила указать на те пути, по которым будто бы влияние «темных сил» привело его к министерскому креслу. По газетным отчетам того времени (начало октября 1916 г.) читающая публика не могла уразуметь тех оснований, которые вызвали гневное возбуждение в думских кругах против Протопопова. Они были так же неясны в печати, как и в действительности. Открыто и прямо никто не рискнул бы выступить с обвинениями, ибо они были бы просто смешны. Но общественное мнение свой приговор установило, а ведь известно, что оно непогрешимо и апелляции не подлежит. Протопопов был объявлен отверженным. Но кто же такой был этот Протопопов? До сих пор его общественный формуляр был вне сомнения. Гласный уездного и губернского земства Симбирской губернии, уездный и губернский предводитель дворянства, член 3-й и 4-й Государственной думы, однажды даже был лишен придворного звания за конституционный образ мыслей³⁵. Словом, общественный стаж Протопопова, хотя и не украшенный тюремным цензом, был достаточно удовлетворительным для права состоять в рядах русской общественности. Как в 3-й, так и в 4-й Государственной думе он был председателем Торгово-промышленной комиссии и в качестве крупного фабриканта пользовался влиянием в промышленных кругах, что выразилось избранием его председателем Всероссийского шерстяного комитета. Наконец, в последние два года он был товарищем председателя Государственной думы. Отсюда видно, что в самых разнообразных условиях общественной деятельности само общество выдвигало его в первые ряды, очевидно давая оценку его личным качествам. Конечно, все эти условия были еще недостаточны для признания Протопопова вполне подходящим к трудной и сложной роли министра внутренних дел, но много ли кандидатов могла выставить русская общественность, да еще и технически подготовленных?

Внешностью А. Д. Протопопов не блистал. Небольшого роста, худощавый, почти седой в 50 лет, приветливо учтив, любезен и воспитан. Мягкость характера, в связи с сердечностью и душевной добротой, вполне располагали к нему. Он обладал достаточной гибкостью ума, хотя и неглубокого, и дозой незлобивой хитрости, что в совокупности позволяло ему

**Министр внутренних дел А.Д. Протопопов
в жандармском мундире. Петроград, 1916**
Источник: Центральный государственный архив
кинофотофонодокументов Санкт-Петербурга. Е 2817.

не теряться в неожиданной обстановке его деятельности, но, однако, и не выдвигало его в ряды вождей. Для этого он не имел ни личных данных, ни призвания. Политика не захватывала его глубоко и даже отталкивала своей неприглядной закулисной стороной интриг, лжи, лицемерия, тем более что все это в значительной степени скрывало за собой личные цели, честолюбивые замыслы и нечистоплотные приемы.

Состояние здоровья также не позволяло погрузиться всецело в политическую работу. Нервное расстройство на почве старой болезни, заставившей его когда-то в течение пяти лет лечиться у Шарко³⁶ в Париже, вынуждало вновь обратить серьезное внимание на лечение. Осень и зиму 1915/16 г. он провел в санатории и лишь к весне 1916 г. мог возвратиться к работе. Однако и в это время очень часто ночевал в своем кабинете Таврического дворца, так как уличный шум здесь меньше беспокоил, чем в своей квартире на Кировной улице³⁷. Этим болезненным состоянием в значительной степени объясняются многие странности, вызывавшие впоследствии недоумение у многих, даже хорошо знавших Протопопова.

В начале июня 1916 г. явилась необходимость поездки делегации от русских законодательных палат к союзникам. В составе делегации был и А. Д. Протопопов. Если не формально,

то фактически ему выпала роль представителя делегации, и, по отзывам возвратившихся депутатов, он эту роль исполнил весьма тактично и с достоинством. Особенно подчеркивался его такт и находчивость в разговоре с королем Англии³⁸. Таким образом, и в этой новой для него обстановке Протопопов оправдал сложившееся о нем мнение.

Совершенно становится понятным, что государь имел достаточно оснований остановить свое внимание на нем, пытаясь привлечь на ответственный пост человека с общественным обликом, которому он мог бы доверять. В августе Протопопов был вызван в Ставку³⁹, где в течение двух часов докладывал государю о делегации, и, видимо, произвел достаточно выгодное впечатление, что ему и высказал государь, прибавив при этом, что его мнение разделяет и английский король, лестно отзываясь о Протопопове в своем письме к царю. Через несколько дней в Ставку приехал с докладом председатель Совета министров Б. В. Штюрмер⁴⁰, представив список из пяти кандидатов на пост министра внутренних дел. Не разрешив вопрос о назначении, государь приписал к этому списку фамилию Протопопова и сказал Штюрмеру, что это его (государя) кандидат. По приезде в Петроград Штюрмер обратился к Протопопову с соответствующим предложением, на что последний ответил, что хотел бы предварительно лично представить государю некоторые соображения. Через два дня последовал телеграфный вызов в Ставку Протопопова и засим в сентябре состоялось назначение его управляющим Министерством внутренних дел⁴¹.

К 1 октября 1916 г. съехалось в Петроград много депутатов, ввиду начала работ бюджетной комиссии Государственной думы. До этого момента появление Протопопова у власти было отмечено лишь печатью, без особых упований, но и без враждебности. Не было ее и в думских кругах⁴². Но вот появились некоторые деятели Прогрессивного блока во главе с Милюковым, и мнение о Протопопове немедленно составилось. Его поступком негодовали, обвиняя в том, что он принял назначение без согласия своей партии, что, будучи товарищем председателя Государственной думы, он обязан был считаться с мнением и настроением ее большинства, т. е. Прогрессивного блока, что при отсутствии налицо фракции (ввиду перерыва занятий Государственной думы) следовало бы запросить мнение ее лидеров и пр.

Во всех этих обвинениях чувствовалась натяжка, недоговоренность, неискренность и было ясно, что суть дела в другом. В первом же заседании фракции октябристов в начале октября, кстати сказать весьма малолюдном (ибо открытие заседаний Государственной думы назначено было на 1 ноября), было внесено предложение об исключении Протопопова из партии. На это последовали возражения, что фракция еще не есть партия, что следовало бы сперва определенно формулировать обвинение, а засим запросить обвиняемого и выслушать его объяснения и мотивы; указывалось также, что и самое обвинение по существу несостоятельно и пр. В результате решение вопроса отсрочили, а на другой день поступило от Протопопова заявление о выходе его из парламентской фракции октябристов и сложении с себя обязанностей товарища председателя Государственной думы.

В эти дни я посетил Протопопова в его служебном кабинете, имея необходимость видаться с ним по ряду вопросов своего земства и других местных дел. Часовая беседа с ним произвела на меня довольно тяжелое впечатление. Я видел перед собою человека совершенно издерганного, переутомленного, изможденного и больного, а в некоторых моментах разговора и признаки странности, граничившей с неясностью отчета в своих мыслях⁴³. Все это вызвало во мне искренний порыв при прощании посоветовать ему по-дружески уехать лечиться. Он вполне сознавал свое болезненное состояние, но ответил, что уйти от дела не

может, так как дал слово государю посветить все свои силы без остатка принятой на себя обязанности и тем более в такой роковой момент.

Позднейшие события часто заставляли меня вспоминать подробности этой беседы, и я должен признать, что А. Д. Протопопов был вполне хорошо осведомлен о положении в стране вообще и, в особенности, о подготовке революционных сил. Через три месяца пришлось поражаться тому, что эта осведомленность не привела к тем предусмотрительным мерам, отсутствие которых дало такую легкую возможность восторжествовать бунту уличной черни и развращенных запасных солдат Петроградского гарнизона.

Около 10 октября Протопопов впервые появился в заседании бюджетной комиссии в роли министра. Деловое обсуждение не вызвало никаких обострений, несмотря на встреченный им холодный прием. Неделию спустя он вновь был в бюджетной комиссии в мундире шефа жандармов. Это было просто неумно. Расхождение с Думой вызвало со стороны Протопопова желание восстановить прежние отношения, и поэтому состоялась беседа при участии представителей Прогрессивного блока⁴⁴. Результаты получились обратные, да и не могли быть иными в таких условиях. Беседа вышла за пределы личных отношений, и к тому же Протопопов по своему удельному весу общественного значения не мог быть связывающим звеном между властью и возбужденным обществом. Эта попытка была обречена на неуспех уже потому, что, в сущности, вопрос был не о компромиссе с властью, а о радикальной перемене режима. На беду и сам Протопопов представился особенно неудачным. Его странные ответы определенно указывали на болезненное состояние. Его нервы требовали продолжительного отдыха.

Две недели он нигде не показывался, никого не принимал и, по слухам, оправился. Молва о Протопопове ширилась не в его пользу. В Думе говорили, что многие губернаторы, приезжавшие к министру за инструкциями, уходили от него с недоумением. Имело ли это в действительности место — сказать не могу. Дурная молва, как известно, имеет свойство быстро распространяться. Ко всему этому присоединился и несколько бестактный поступок Протопопова. При возвращении в Россию из Парижа он остановился в Стокгольме, где ему предложил свидание советник германского посольства⁴⁵. Свидание это состоялось в присутствии члена Государственного совета и члена делегации графа Д. А. Олсуфьева⁴⁶. Беседа не имела никакого реального значения по результатам, и ничего недостойного или предосудительного Протопопов не сказал и не обещал. Произошло это в июле, но теперь вспомнили. Шум был поднят, как известно, большой и в политических кругах, и в печати, не без намека на соучастие и происки «темных сил». Ненависть к Протопопову приняла даже какой-то специфически личный характер. Так, однажды, М. В. Родзянко⁴⁷, встретившись с ним во дворце, демонстративно отказался протянуть руку⁴⁸. Эта грубость, особенно в условиях официальной встречи и места, была, однако, очень одобрена в будирующих кругах Думы. Я не имел случая в дальнейшем лично встречаться с Протопоповым и не могу поэтому судить о том, в какой мере ему стало доступно понимание угрожающих условий политической обстановки. Однако было известно, что он посвятил свое время главным образом этой стороне дела, сдав остальную текущую работу своим товарищам по министерству. Но дилетантское отношение к сложной задаче и техническая неподготовленность в связи с такими же неудачными руководителями Кабинета привели к роковому концу.

Речь г. Милюкова в Государственной думе 1 ноября 1916 г. прозвучала сигналом к штурму власти⁴⁹. Уже стало ясно, что борьба принимает решительный характер. Впечатление от этой речи было таково в самой Думе, что один из депутатов центра громко сказал:

«Ну, господа, складывайте чемоданы, мы сюда больше не вернемся». Левый фланг Думы притих, среди кадетских депутатов чувствовалась растерянность, в правых кругах негодовали клеветой Милюкова. Ждали роспуска Думы и решительных мер власти. Экстренное заседание Совета министров ограничилось мнением о необходимости привлечь Милюкова к ответственности за клевету на Штюрмера. Первая атака революции удалась, атакующий сохранил свою позицию, противник отступил. В средних числах ноября в Москве происходили заседания вождей радикальной общественности и крупной буржуазии, обсуждавших ближайшие политические перспективы и наметивших состав кабинета Временного правительства⁵⁰. Министр внутренних дел ограничился тем, что поручил московскому градоначальнику отобрать подписку от П. П. Рябушинского⁵¹ (в квартире которого заседания происходили) о недопущении этих собраний.

В двадцатых числах ноября, после того как к голосу Государственной думы присоединился тревожный голос Государственного совета⁵² и Совета Объединенного дворянства⁵³, пред властью предстала дилемма: либо прибегнуть к диктатуре, либо пойти в обратном направлении и сделать решительный шаг к парламентарному строю. Избранно было последнее. Шестого декабря должно было произойти в Зимнем дворце торжественное объявление акта. Нужные приготовления были сделаны, и все депутаты были оповещены о том, чтобы не отлучаться из Петрограда по случаю ожидаемого приглашения на 6 декабря в Зимний дворец. Решение это, однако, внезапно было изменено, и 4 декабря вечером государь уехал в Ставку. Через несколько дней в правительственных кругах возникла мысль о роспуске Государственной думы на неопределенное время. Инициатива, как утверждали, принадлежала Протопопову. К этому прибавляли, что вслед за роспуском Думы будет объявлено во всей стране военное положение и диктатура. Эти слухи, по-видимому достоверные, вызвали новый взрыв ненависти к Протопопову, причем ему же приписывали влияние на внезапное решение государя 4 декабря. Гадание есть вообще занятие праздное, но не с этой целью я хочу коснуться оценки возможных последствий одного и другого решения. Многие верили, да, пожалуй, и сейчас еще полагают, что, осуществись 6 декабря намерение дать ответственное министерство, — революции не было бы. Так могли думать и верить те наивные и близорукие, но, несомненно, искренние патриоты, которые душою страдали от тяжелой атмосферы, скопившейся вокруг власти, возбужденного состояния общества и связанной с этим опасности военного поражения. Так до последнего дня верил в спасительность этого революционного огнетушителя и М. В. Родзянко, посылавший умоляющие телеграммы государю даже в первый день петроградского бунта. Они не умели понять, что во время войны вообще, а такой гигантской в особенности, да еще и накануне ее решающего момента, совершенно безрассудно производить коренную ломку государственного строя; что компромисс вообще есть самая неудачная тактика в политической борьбе, а уступка и передача власти управления в руки революционной общественности есть, в сущности, прямой переход к неминуемому государственному перевороту со всеми его обычными последствиями. Либеральные группы, считавшие парламентаризм конечным этапом своих политических достижений, были до убожества слабы по сравнению с теми демагогами, которые бредили социальной революцией. Все эти соображения имелись и тогда налицо, но весь трагизм их практического значения мы теперь оценили в полной мере, познав всю безнадежную дряблость «бессмысленных мечтаний»⁵⁴ российского либерализма.

Но спасло ли бы второе положение — роспуск Думы и диктатура? Этот выход был лучшим уже потому, что побуждал ослабевшую власть встряхнуться. Конечно, для его

осуществления требовался ряд важных предпосылок. Прежде всего, ни Протопопов, ни весь Совет министров для этой роли не годились. Для гражданской диктатуры условия были неподходящие, и, надо думать, что силою вещей она неминуемо и немедленно превратилась бы в диктатуру военную. При той осведомленности, какую обладал политический розыск и военная контрразведка, надо предполагать, что диктатура не замедлила бы ликвидировать очаги революции, тем более что в этом и заключался весь смысл ее назначения. Военная власть вообще, а тем более власть охраны, по природе своей направляет меры в сторону обеспечения внешнего порядка, где гражданская связана во многих отношениях. Последующие события показали, что народная масса никаких помышлений о революции не имела и как вся страна, так и фронт были чрезвычайно поражены неожиданностью переворота. Кто же из нас не помнит, как много приложено было революционных усилий крайней демагогии и как много в этом направлении приложило усилий само Временное правительство — яркое и наглядное выражение бездарности русского либерализма, — чтобы раскатить страну.

Наконец, необходимо принять еще в соображение тот несомненный факт, что петроградский бунт превратился в революцию только потому, что Государственная дума его возглавила. Не только страна, но и население Петрограда в начале бунта не имели никакого представления об анонимном правительстве из 28 человек⁵⁵, появившемся в Таврическом дворце в тот же день, когда Государственная дума поставила свою печать на бунте. Эти анонимы действовали авторитетом Государственной думы. Ее авторитет признавала вся страна и ей подчинилась, как равно признавала армия, и только вследствие ее требования государь мог решиться на героический и роковой шаг. Какой бы забавной опереткой показался стране призыв шайки авантюристов Нахамкиса⁵⁶, Либера⁵⁷, Розенфельда⁵⁸, Нухима Соколова⁵⁹, Абрамовича⁶⁰ и К⁶¹, если бы они объявили о низложении царя, а себя — Временным правительством. Конечно, это было абсолютно невозможно. Можно с уверенностью утверждать, что за таким Временным правительством не пошли бы солдаты гарнизона и, во всяком случае, не целыми полками со своими офицерами и даже с очень высокими начальниками. Словом, наличность Государственной думы была роковым фактом. Здесь я считаю нужным отметить и особенно подчеркнуть, что, говоря о Государственной думе в целом, я имею в виду лишь ее большинство, притом незначительное. В действительности Дума как учреждение была в этот момент распущена. Указ о роспуске⁶¹ был получен председателем 26 февраля в 10 ч. утра, и, ввиду уличных событий, он не нашел возможным открыть официально заседание. Находившиеся налицо депутаты собрались в частном совещании и, после короткого обсуждения событий, окруженные, к стати сказать, в Таврическом дворце вооруженной толпой, убивавшей в этот момент офицера караульной роты⁶², пришли к заключению о необходимости остаться на своем посту, чтобы своим авторитетом помочь власти ликвидировать бунт. На совещании присутствовало около 200 депутатов из общего числа 406–410 человек. Формально указ о роспуске был исполнен, так как более ни одного официального заседания не было, поэтому за все дальнейшие действия ответственность лежит на депутатах, лично в них принимавших участие. На совещании вопрос обсуждался не о возглавлении революции, а лишь о необходимости не уезжать из Петрограда, «так как, быть может, события заставят Думу взять на себя власть для спасения страны от анархии и армии от разложения». Конечно, в эту мотивировку вкладывалось различное содержание, понимание и цели, но, несомненно, огромное большинство присутствовавших членов Думы не хотело возглавлять бунт и его поддерживать. Необычная обстановка застала врасплох: в пять минут требовалось разрешить, понять, предусмотреть и обсудить не только смысл

возникшего хаоса, но и всю совокупность логических и возможных последствий. Общая растерянность, возбужденность, уличная стрельба, неизвестность самих событий и целый ряд других причин и условий подсказали самое худшее решение. Действовало стадное чувство и тот психологический закон, на основании которого психолог Tard⁶³ утверждает, что голосование сорока академиков и сорока водовозов ничем одно от другого не отличается⁶⁴.

Смутно сознавалось по необычно приподнятой торжественности и напыщенности кратких речей, растерянно-изумленных физиономий одних и бледных, угрюмо-сосредоточенных других, что происходит что-то исключительно серьезное и важное, но едва ли хотя один из присутствовавших на этом совещании понимал, что в эти пять минут разрешается судьба Родины и подписывается ей смертный приговор. Для детальной точности обстановки дополню ее еще одним штрихом. Совещание подходило к концу, в это время раздаются крики и шум в соседнем зале, быстро растворяется дверь и вбегает бледный, взволнованный офицер, начальник караула Таврического дворца, вскрикивая: «Господа, спасите меня, они хотят меня убить за то, что я отказался распуścić караульную роту»⁶⁵. Вслед за офицером врывается толпа вооруженных людей. Родзянко не растерялся и весьма кстати крикнул офицеру: «Как смели вы сюда войти без разрешения? Я вас арестую, потрудитесь отправиться через эту дверь и ожидать моего распоряжения». Этим окриком, сделанным умышленно резким голосом, он, конечно, хотел спасти, и действительно спас офицера, но одновременно грозным и властным видом повлиял и на толпу, сейчас же ретировавшуюся. Заседание совещания прекратилось, продолжать его обстановка событий не позволяла, по крайней мере так это представлялось в тот момент, и решение собравшихся было формулировано М. В. Родзянко так: «Государственная дума вынуждена принять временно власть в свои руки». Не останавливаясь на развитии последующих известных всем событий, укажу лишь, что через несколько часов уже появилась в Таврическом дворце группа неизвестных личностей, занявших кабинет № 13 (зал заседаний бюджетной комиссии), о которых говорили как о революционном комитете⁶⁶.

В тот же день Таврический дворец имел вид какого-то повстанческого лагеря, куда свозили арестованных министров и других лиц, все помещения были заполнены толпой вооруженных людей, в канцелярию сносили ящики с патронами, оружие, у здания дворца поставлены были два орудия и пулеметы, и небольшая площадь двора и улица заполнились десятками тысяч людей. Центр революции обнаружился. Немедленно был назначен начальник гарнизона Петрограда⁶⁷, комиссары всех министерств и все остальные распоряжения в эти два-три дня исходили от председателя Государственной думы и думского комитета⁶⁸. Совершенно естественно, что все министерства и другие правительственные учреждения беспрекословно подчинились распоряжениям Государственной думы, и таким образом бунт получил в течение нескольких часов тот организованный аппарат, который уже придавал ему характер революции. Центром власти, пульсом жизни и мозгом революции стала Государственная дума, помимо своей сознательной воли и даже вопреки ей. Свою роковую ошибку очень и очень многие депутаты поняли уже в тот же день, но отступление было невозможно. Итак, более чем очевидно, что совершенно иной характер должен был получить бунт при отсутствии налицо Государственной думы. При диктатуре она, конечно, была бы распущена, если не окончательно, то, во всяком случае, на время существования диктатуры. Уже по этой одной причине есть полное основание утверждать, что диктатура могла быть спасительным выходом. Как бы то ни было, но этот путь открывал надежду сохранить спокойствие в стране до начала наступления на фронте, а это уже само по себе

обеспечивало успех во всех отношениях. И если в эту сторону направлены были мысли Протопопова, то приходится лишь горько сожалеть, что они не осуществились.

Шестого января 1917 г. на квартиру к секретарю Государственной думы И. И. Дмитриюкову⁶⁹ явилась депутация рабочих из пяти человек. Рабочие осведомили Дмитриюкова о том, что 12 января, в день возобновления заседаний Государственной думы, явятся к Таврическому дворцу рабочие Петрограда в количестве не менее ста тысяч человек и потребуют, чтобы Дума выслушала их представителей, которые намерены предложить Думе потребовать от верховной власти согласия на ответственное министерство⁷⁰. На возражение Дмитриюкова, что Дума как таковая не может нарушать закон, выслушивать депутации и вотировать резолюции вообще, а революционные в особенности, рабочие ответили, что они не понимают этих тонкостей, никакого значения формальностям не передают и даже удивляются высказанным Дмитриюковым соображениям. «А нам говорили, то Вы человек с понятием». На замечание Дмитриюкова, что Дума не пойдет на такой шаг уже по той причине, чтобы не подвергать рабочих опасностям, сопряженным с таким революционным выступлением, последовал ответ, что рабочие не боятся репрессий, так как они имеют основание утверждать, что войска в них стрелять не будут. Вообще же на этой стороне вопроса Думе останавливаться не следует, так как ответственность за последствия рабочие принимают на себя. Из дальнейшей беседы Дмитриюков усмотрел, что пытаться остановить намеченное предприятие бесполезно, и заявил, что сообщит об этом разговоре председателю Думы и затем передаст ответ рабочим. Родзянко вполне присоединился к мнению Дмитриюкова, который и сообщил это решение рабочим. Заседание Государственной думы было отсрочено и перенесено на 12 февраля. Общество было охвачено нервным ожиданием каких-то событий, одни говорили о дворцовом перевороте, об ограниченном заговоре, связывали все эти слухи с вынужденным отъездом некоторых великих князей⁷¹, указывали на подготовку революции среди московских кружков и много[м], много[м] другом. В воздухе пахло бунтом. Однако, как впоследствии оказалось, правительство в целом, и в особенности Министерство внутренних дел, никаких мер не приняло. Даже пресловутые «протопоповские пулеметы»⁷², которых повсюду на крышах искали в первые дни восстания, оказались праздной болтовней. В Петрограде в течение последних месяцев слышны были мнения о ненадежности гарнизона и бесполезности скопления в столице полуторастысячной армии запасных солдат, и в особенности указывалось на совершенно неподходящий разнокалиберный офицерский состав, надерганный из разных частей и в большинстве из прапорщиков военного времени. И, несмотря на то, что восстание уже носилось в воздухе и что политический розыск, как теперь известно, представлял вполне исчерпывающую информацию о состоянии столицы, — все же никаких, ни предупредительных мер, ни средств борьбы с ожидаемым бунтом предпринято не было⁷³. Даже существовавшие средства, вследствие полной растерянности как Министерства внутренних дел, так и военных начальников, не были использованы. В Михайловском манеже стояло 23 бронированных автомобиля в полной готовности. Этих машин было вполне достаточно для подавления бунта в первые дни, однако о них забыли⁷⁴. Лишь после падения власти и ареста всех ее представителей, бронированные автомобили были пущены в ход по улицам Петрограда, но на них уже развеялся красный флаг⁷⁵.

И вот, оглядываясь на прошлое, приходится признать, что успех бунта далеко не означал силу и организованность революции, а лишь непреложно свидетельствовал о бездейственности последнего министра внутренних дел Протопопова. Роковой недостаток заключался не в недостаточной осведомленности, а в отсутствии решимости и в слабой

воле. Этой болезнью страдал не только Протопопов, но и его ближайшие предшественники. Каждый новый министр внутренних дел, появляясь у власти, немедленно обращал свои взоры к закулисной стороне возникших во время войны общественных организаций: Земского союза⁷⁶, Союза городов⁷⁷, Земгора⁷⁸, Военно-промышленных комитетов⁷⁹ и пр., имея весьма серьезные основания видеть здесь попытки сплочения революционных сил, однако порыв вскоре ослабевал, и все шло своим прежним порядком. Все понимали ясно, не исключая и самих депутатов, что нормальная деятельность Думы невозможна, а со временем открытой борьбы с властью даже очень вредна. Однако не хватило воли ликвидировать это тягостное положение. Протопопов не хуже других понимал этот вред, но не хватило решимости. Общественный барометр довольно чутко и не замедлил учесть и отметить это явление. Наряду с нарастанием революционного настроения и возбуждения, всем бросалась в глаза подозрительная тишина в ведомстве Протопопова; подозревали даже какой-то провокационный умысел дать проявиться бунту и затем свести счеты, истребив намеченных лиц. В Думе говорили, что будто бы даже Протопопов в заседании Совета министров на вопрос одного из коллег, подготовлен ли министр внутренних дел к отпору готовящемуся бунту, ответил: «Залью кровью». Не знаю, действительно ли так ответил Протопопов, но этому готовы были верить. Я лично убежден, что этот мягкий, гуманный и добрый человек в порыве исполнения долга был способен осуществить угрозу, но совершенно не допускаю, чтобы он был способен хладнокровно готовить подобный план. Для этого прежде всего не хватало того, что явилось в действительности основной причиной нашего несчастья: отсутствие способности к организации, настойчивости в осуществлении плана, систематичности и выдержанности в достижении цели.

С одной стороны благие порывы, широта мысли, стихийный размах и блестящие планы, а с другой — отсутствие воли, размеренной системы и настойчивости в исполнении. Но ведь это все черты национального русского характера. Вся наша история пестрит этими примерами беспечности и непредусмотрительности, которые издавна получили имя «авось». Когда-то, после неудачной японской войны, французский военный агент г. Nodeau написал книжку — «Они не знали»⁸⁰. Это был обвинительный акт не только официальной, но и общественной России. Nodeau поражался не только фактом преступной неосведомленности русского правительства обо всем касающемся своего соседа, с которым оно собиралось воевать, но еще более той поразительной пассивной инертности, какую обнаружало и русское общество.

Знала ли Государственная дума о тех возможных последствиях, какие получатся в результате революции? Нет, она не знала; она смутно чувствовала опасность, но привычная и ленивая покорность идти вслед за вождями парализовала собственную волю. В такой же мере не знало и не умело учесть этих последствий все русское общество. И оно стадно шло на заклятие. Часто приходится слышать, что Родзянко — революционер и умышленно вел Думу на участие в перевороте. Это вздор и нелепое заблуждение. Он просто «не знал», как «не знал» Шульгин⁸¹ и очень многие с ним. И тот и другой, вне сомнения, честные и искренние патриоты, так же ненавидевшие революцию тогда, как и теперь, но... «они не знали». Судьба вскоре переменяла роли; власть очутилась в руках патентованных вождей русской общественности и демократии. И что же? Те же типичные черты непредусмотрительности, беспечности и неспособности к организации были повторены еще наивнее и еще грубее. Эти представители не только не боролись со своими врагами, но даже содействовали им. И «они не знали». Есть еще одна русская черта, которая наглядно проявилась и на примере

в отношениях к Протопопову, — рабское преклонение перед провозглашенными формулами. Из милюковских кругов дан был лозунг: Протопопов отверженный, он ушел к «ним». И немедленно резко изменились отношения. Те, кто еще вчера спокойно и даже одобрительно относились к принятию им поста министра, сегодня негодовали и провозглашали анафему. В 1915 г. была провозглашена формула — Министерство народного доверия; и, несмотря на то что все отлично понимали ее сакраментальный смысл, ее стали повторять и в тех политических кругах, в которых категорически отрицалась пригодность для России парламентарного режима. В тайниках таинственного «Интернационала» была изобретена формула мира: «без аннексий и контрибуций, на основе самоопределения народов». Вещал ее с думской трибуны депутат Чхеидзе⁸². И кто же забыл, как часто эту формулу в 1917 г. насвистывали в голову русским дроздам, уверовавшим в ее мудрость и непреложность. Временное правительство ее официально сообщило союзным державам как требование всего русского народа.

Изобретена была известная аграрная формула — земля трудящимся. Несмотря на вздорную нелепость и полную практическую бессодержательность, ее и сегодня еще повторяют российские дрозды. Примеры этому, не исключая и пресловутого «Прогрессивного блока», можно привести в неограниченном количестве. Они весьма показательно убеждают в том, что не только народная масса, но и ее более культурные верхи нуждаются в вождях и руководителях. «Протопоповщина» не явилась отличительным признаком старой власти, ибо Россия имела несчастье переживать «милюковщину», «керенщину» и ныне тяжело больна «ленинщиной». Если согласиться с тем, что «протопоповщина» выражала собою признаки болезни старой власти, то какой же тяжкий приговор над русской общественностью и народом произнесла «керенщина» и «ленинщина»?

*Columbia University Libraries, Rare book and Manuscript Library,
Bakhmeteff Archive. Sergei E. Kryzhanovskii collection. Box 4. P. 1–24.*

¹ Николаев А. Б., Поливанов О. А. Парламентская элита России в 1912–1917 гг. // Из глубины времен. СПб., 1994. Вып. 3. С. 58.

² Николаев А. Б. Варун-Секрет Сергей Тимофеевич // Государственная дума Российской империи: 1906–1917: энциклопедия / отв. ред. В. В. Шелохаев. М., 2008. С. 80–81.

³ Члены Государственной думы (портреты и биографии). Первый созыв / сост. М. М. Бойович. М., 1906. С. 388.

⁴ Николаев А. Б. Варун-Секрет Сергей Тимофеевич. С. 80.

⁵ Еропкин А. В. Записки члена Государственной думы. Воспоминания. 1905–1928. М., 2016. С. 25.

⁶ Донесения Л. К. Куманина из Министерского павильона Государственной думы, декабрь 1911 — февраль 1917 г. // Вопросы истории. 1999. № 9. С. 30.

⁷ См. об этом: Соловьев К. А. Земские деятели в Государственной думе (1907–1914) // Вестник Московского университета. Сер. 12. Политические науки. 2014. № 4. С. 70; Гетман П. П. Скоропадский. Украина на переломе. 1918 год / отв. ред. и отв. сост. О. К. Иванцова. М., 2014. С. 763.

⁸ Николаев А. Б. Варун-Секрет Сергей Тимофеевич. С. 81.

⁹ Поликарпов В. В. От Цусимы к Февралю. Царизм и военная промышленность в начале XX в. М., 2008. С. 465–466.

¹⁰ См. об этом: Евдокимов А. В. Политическая борьба вокруг «Дела Сухомлинова» (1915–1917 гг.): дис. ... канд. ист. наук. Нижний Новгород, 2017. С. 90–91.

¹¹ Родзянко М. В. Крушение империи // Гибель монархии / сост. А. Либерман, С. Шокарев. М., 2000. С. 222.

- ¹² Глинка Я. В. Одиннадцать лет в Государственной думе. 1906–1917. Дневник и воспоминания. М., 2001. С. 153–154.
- ¹³ Государственная дума. Стенографические отчеты. Созыв IV. Сессия V. СПб., 1916. Стб. 67.
- ¹⁴ Гетман П. П. Скоропадский. С. 763.
- ¹⁵ Беннигсен Э. П. Записки (1875–1917). М., 2018. С. 343.
- ¹⁶ См. об этом: Пученков А. С. Украина и Крым в 1918 — начале 1919 года. Очерки политической истории. СПб., 2013. С. 334.
- ¹⁷ См. подробнее: Вельмин А. Редкий юбилей // Новое русское слово. 1958. 21 сент.
- ¹⁸ См. об этом: Чемакин А. А. Русские национал-демократы в эпоху потрясений: 1914 — начало 1920-х годов. СПб., 2018. С. 401.
- ¹⁹ Там же. С. 407.
- ²⁰ Варун-Секрет С. Т.: 1) Монархия или республика? // Грядущая Россия. 1921. 17 нояб.; 2) Методы борьбы с большевиками // Грядущая Россия. 1922. 5 янв.
- ²¹ Варун-Секрет С. Т. Монархия или республика?
- ²² Там же.
- ²³ Вельмин А. С. Т. Варун-Секрет // Новое русское слово. 1962. 8 мая.
- ²⁴ Незабываемые могилы. Российское зарубежье: некрологи 1917–1997: в 6 т. / сост. В. Н. Чуваков. Т. 1. М., 1999. С. 495.
- ²⁵ Демин В. А. Основной причиной провала политики правых было распространение светского образования // Российская история. 2014. № 3. С. 153–158; Николаев А. Б. Думская революция: 27 февраля — 3 марта 1917 г. СПб., 2017. Т. 1. С. 161; Т. 2. С. 66–67; Николаев А. Б., Гаврова Е. С. М. В. Родзянко и раскол фракции правых (ноябрь — декабрь 1916 г.) // Университетский научный журнал. 2018. № 41. С. 13–23.
- ²⁶ Varun S. T. A. D. Protopopov i poslednie dni Gos. Dumy. Columbia University Libraries, Rare book and Manuscript Library, Bakhmeteff Archive. Sergei E. Kryzhanovskii collection. Вох 4 (без пагинации).
- ²⁷ Протопопов Александр Дмитриевич (1866–1918) — крупный помещик и промышленник, депутат III–IV Государственной думы (фракция «Союза 17 октября»), после раскола фракции — фракция земцев-октябристов), товарищ председателя Государственной думы (с 1914), последний министр внутренних дел Российской империи (1916–1917). В феврале 1917 г. был арестован, расстрелян большевиками.
- ²⁸ Отношение правого лагеря к Протопопову после назначения его главой МВД было неоднозначным. С одной стороны, правые пользовались финансовой поддержкой, которую он им оказывал, и защищали его как представителя власти от нападок оппозиции, с другой — до конца не доверяли ему. Однозначно негативное отношение к Протопопову сложилось в крайне правых кругах уже после Февральской революции — министра обвиняли едва ли не в сознательном потворстве революции и преступном бездействии. См. об этом: Иванов А. А. Правые в русском парламенте: от кризиса к краху (1914–1917). М.; СПб., 2013. С. 209–212.
- ²⁹ «Из Назарета может ли быть что доброе?» — слова апостола Нафанаила, сказанные им в ответ на весть о явлении Мессии — Иисуса из г. Назарета (Ин. 1:46).
- ³⁰ Прогрессивный блок — объединение оппозиционных депутатских фракций IV Государственной думы и групп Государственного совета в годы Первой мировой войны (1915–1917). Председатель — С. И. Шидловский, фактический лидер — П. Н. Милюков. Декларация Прогрессивного блока сводилась к требованиям создания «правительства доверия», частичной амнистии осужденных по политическим и религиозным делам, отмены ограничений для национальных меньшинств и ряда либеральных реформ.
- ³¹ Милюков Павел Николаевич (1859–1943) — один из организаторов Конституционно-демократической партии (Партии народной свободы), член ЦК партии, ее идеолог и лидер (с 1907 г. — председатель ЦК партии). Редактор партийной газеты «Речь». Депутат III–IV Государственной думы, лидер конституционно-демократической (кадетской) фракции. 27 февраля 1917 г. избран членом Временного комитета Государственной думы (далее — ВКГД). С марта по май 1917 г. — министр иностранных дел Временного правительства.

³² Об этом см.: *Куликов С.В.* Камарилья и IV Государственная дума: назначение товарища председателя нижней палаты А.Д.Протопопова управляющим МВД // Таврические чтения — 2014. Актуальные проблемы парламентаризма: история и современность: в 2 ч. / под ред. А.Б.Николаева. Ч.2. СПб., 2015. С.107–132.

³³ Установление ответственности министерства не перед императором, а перед парламентом было одним из важнейших требований кадетов еще в 1905–1907 гг. С созданием Прогрессивного блока либеральная оппозиция снова вернулась к этому требованию. Но если лидеры фракции прогрессистов открыто требовали «ответственного министерства», то входившие в блок кадеты, октябристы и прогрессивные националисты смягчили формулу, требуя «министерства общественного доверия» — т.е. министерства, которому доверяло бы оппозиционное большинство Думы. Правые круги не видели разницы между «министерством доверия» и «ответственным министерством», полагая, что первое на практике ничем не будет отличаться от второго, и считали, что министерство, ответственное перед думской оппозицией, будет ущемлять прерогативы самодержца.

³⁴ Конституционных демократов, кадетов.

³⁵ «При поддержке <...> влиятельных местных сил Протопопов прошел в Государственную думу, но здесь он сделал уже уклон в сторону левого крыла октябристов, ввиду чего при Столыпине был лишен придворного звания путем производства его, как предводителя дворянства, в чин действительного статского советника без пожалования в звание камергера, — свидетельствовал С.П.Белецкий. — Это было большим ударом для самолюбия Протопопова, заставившим его принять некоторые шаги к сближению с правительством» (Падение царского режима. Стенографические отчеты допросов и показаний, данных в 1917 г. в Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства. Т.4. М.; Л., 1925. С.469).

³⁶ *Шарко Жан-Мартен* (1825–1893) — французский врач-психиатр, специалист по неврологическим болезням, основатель учения о психогенной природе истерии, член Парижской академии наук.

³⁷ Накануне революции Протопопов проживал в Петрограде неподалеку от Государственной думы по адресу: Кирочная улица, 43а, напротив мемориального музея А.В.Суворова (Кирочная, 43) (Весь Петроград на 1916 год. Адресная и справочная книга г. Петрограда. Пг., [1916]. С.556).

³⁸ В апреле — июне 1916 г. Протопопов был главой русской парламентской делегации, посетившей нейтральные и союзные страны. По оценке С.В.Куликова, «глава делегации буквально покорила иностранцев», и английский король Георг V написал Николаю II письмо «с самой горячей рекомендацией» Протопопова, поскольку тот произвел на него и государственных деятелей Британии «впечатление человека, обладающего большой государственной мудростью» (*Куликов С.В.* Бюрократическая элита Российской империи накануне падения старого порядка (1914–1917). Рязань, 2004. С.278).

³⁹ Первый раз Протопопов был принят царем в Могилеве 19 июля (1 августа) 1916 г.

⁴⁰ *Штюрмер Борис Владимирович* (1848–1917) — председатель Совета министров (январь — ноябрь 1916 г.), одновременно (март — июль) — министр внутренних дел и министр иностранных дел (июль — ноябрь).

⁴¹ Назначение состоялось 16 сентября 1916 г. 20 декабря 1916 г. Протопопов был утвержден на посту министра.

⁴² В показаниях Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительств (далее — ЧСК ВП) Протопопов указывал: «Я был после своего назначения со Штюрмером в Государственной думе. Слух о моем назначении там уже был известен, и некоторые члены Думы поздравляли меня; поздравил и М.В.Родзянко, другие смотрели на меня вопросительно» (Падение царского режима. Т.4. С.64).

⁴³ Вскоре на эти особенности министра обратил внимание и император, писавший супруге 10 ноября 1916 г.: «Мне жаль Прот[опопова] — хороший, честный человек, но он перескакивает с одной мысли на другую и не может решиться держаться определенного мнения. <...> Рискованно оставлять в руках такого человека мин. внутр. дел в такие времена!» (Переписка Николая и Александры Романовых: в 5 т. Т.5. М.; Л., 1927. С.146).

⁴⁴ Встреча Протопопова с членами Прогрессивного блока состоялась на квартире М. В. Родзянко 19 октября 1916 г. Протопопов заверял депутатов, что он «был и останется другом Думь», но примирительный жест был проигнорирован. Протопопову отказали в былых товарищеских отношениях, намекали на его болезненное честолюбие, говорили о том, что он, приняв министерство, «уронил достоинство», указывали, что своими действиями он ведет Россию к гибели (Совещание членов прогрессивного блока с А. Д. Протопоповым, устроенное на квартире М. В. Родзянко // *Последние дни императорской власти. По неизданным документам* / сост. А. Блок. Л., 1921. С. 148–157). «Он был жалок, но мы его не пожалели, — признавался Милюков. — Он потом жаловался, что его “били, заплевали, бичевали, затюкали”, — и этим объяснял даже свой окончательный переход к правым. Я принял в этом большую долю участия» (*Милюков П. Н. Воспоминания. М., 1991. С. 439*).

⁴⁵ Во время заграничной поездки русской парламентской делегации Протопопов по инициативе Д. А. Олсуфьева 23 июня (6 июля) 1916 г. встретился в Стокгольме с сотрудником германского посольства в Швеции Ф. Варбургом. В ходе этой встречи Варбург изложил германские условия мира.

⁴⁶ *Олсуфьев Дмитрий Адамович* (1862–1937) — граф, крупный землевладелец, один из организаторов «Союза 17 октября», член Государственного совета (с 1907). С 1913 г. — товарищ председателя группы центра. Один из основателей и членов Прогрессивного блока.

⁴⁷ *Родзянко Михаил Владимирович* (1859–1924) — один из основателей и лидеров «Союза 17 октября», депутат III–IV Государственной думы, с марта 1911 г. — председатель III Государственной думы, с ноября 1912 г. — IV Государственной думы. Один из лидеров Прогрессивного блока. В 1917 г. возглавил ВКГД, а затем частные совещания членов Думы.

⁴⁸ Инцидент произошел 1 января 1917 г. во время приема в Царском селе. Родзянко демонстративно не подал Протопопову руки, что едва не привело к дуэли между ними. Подробнее см.: *Иванов А. А. «Дело чести»: депутаты Государственной думы и дуэльные скандалы (1906–1917). СПб., 2018. С. 584–590.*

⁴⁹ 1 ноября 1916 г. Милюков выступил в Думе с громкими, но голословными обвинениями по адресу Б. В. Штурмера и окружения императрицы Александры Федоровны. Заканчивая выступление, Милюков несколько раз бросил с кафедры фразу: «...что это, глушь или измена?» — и под крики из зала «Измена!» резюмировал: «выбирайте любое. Последствия те же» (Государственная дума. Стенографические отчеты. Сост. IV. Сессия V. СПб., 1916. Стб. 35–48). Речь Милюкова получила широкий общественный резонанс и была названа современниками «штурмовым сигналом революции».

⁵⁰ Видимо, имеется в виду частное совещание в Москве представителей биржевых комитетов, состоявшееся под председательством П. П. Рябушинского 30–31 декабря 1916 г., в ходе которого говорилось о том, что власть ведет страну к гибели и возможен «безудержный порыв народного гнева», для предотвращения которого необходима «решительная немедленная перемена курса», а также «образование правительства, сильного доверием стран» (Протокол частного совещания в Москве представителей биржевых комитетов 30 и 31 декабря 1916 г. М., 1917. С. 2, 4). Возможный состав этого правительства — «кабинета обороны» — был опубликован в газете Рябушинского «Утро России» еще 13 августа 1915 г.

⁵¹ *Рябушинский Павел Павлович* (1871–1924) — предприниматель, банкир, член ЦК «Союза 17 октября» (с 1905), в октябре 1906 г. перешел в Партию мирного обновления. Один из создателей и лидеров партии прогрессистов (1912), член ЦК и председатель ее Московского комитета. Издатель прогрессистской газеты «Утро России». С июня 1915 г. — председатель Московского Военно-промышленного комитета. С 1915 г. — член Государственного совета (от торговли и промышленности). В Февральскую революцию — один из инициаторов создания московского Комитета общественных организаций.

⁵² 22 ноября 1916 г. в Государственном совете были произнесены речи в поддержку оппозиционного большинства Государственной думы. Вскоре верхняя палата приняла резолюцию об устранении от власти «темных сил» и о создании правительства, опирающегося на «доверие стран». См. об этом: *Гайда Ф. А. Власть и общественность в России: диалог о пути политического развития (1910–1917). М., 2016. С. 487.*

⁵³ Постоянный Совет Объединенных дворянских обществ (Совет объединенного дворянства) — постоянный орган съездов уполномоченных объединенных дворянских обществ (общероссийской дворянской организации) в 1906–1917 гг. В конце ноября 1916 г. значительная часть Совета объединенного дворянства поддержала требования думской оппозиции. «Сиюю целые дни на съезде объединенных дворян, и ты не можешь себе представить, что там творится. <...> Настроение совсем революционное», — писал в ноябре 1916 г. в письме к жене князь С. П. Урусов (Переписка правых и другие материалы об их деятельности в 1914–1917 годах / публ. Ю. И. Кирьянова // Вопросы истории. 1996. № 8. С. 84).

⁵⁴ Определение, данное Николаем II в отношении планов ограничения самодержавия конституцией западного образца. Слова были сказаны императором на приеме земских депутатов 17 января 1895 г. Согласно заранее составленному варианту речи, император предполагал сказать «беспочвенные мечтания», но оговорился.

⁵⁵ Видимо, имеются в виду члены ВКГД (11 чел., не считая двух членов исполкома Петросовета) и назначенные им в правительственные учреждения в ночь на 28 февраля 1917 г. комиссары (17 чел.). См. об этом: *Николаев А. Б.* Думская революция. Т. 1. С. 455–456.

⁵⁶ *Стеклов Юрий Михайлович (Нахамкис Овсий Моисеевич; 1873–1941)* — революционер и публицист, социал-демократ. В 1917 г. — член исполкома Петросовета и редактор «Известий Петроградского совета рабочих и солдатских депутатов» (до мая 1917 г.).

⁵⁷ *Либер Михаил (Марк) Исаакович (Гольдман; 1880–1937)* — один из лидеров меньшевиков, в 1917 г. — член исполкома Петросовета, товарищ председателя ВЦИК.

⁵⁸ *Каменев (Розенфельд) Лев Борисович (1883–1936)* — большевик, советский государственный и партийный деятель. В 1917 г. — член исполкома Петросовета и ВЦИК.

⁵⁹ Автор путает деятеля Февральской революции Н. Д. Соколова с еврейским писателем и сионистом Нахумом Соколовым (1859–1936). *Соколов Николай Дмитриевич (1870–1928)* — адвокат, социал-демократ, участник Февральской революции. В марте 1917 г. — секретарь исполкома Петросовета, один из авторов и редакторов «Приказа № 1».

⁶⁰ *Абрамович (Рейн) Рафаил Абрамович (1880–1963)* — публицист, член Бунда, представитель меньшевистского крыла РСДРП, в мае 1917 г. избран членом ВЦИК.

⁶¹ О начале беспорядков в Петрограде в Ставке, где находился император, стало известно лишь 25 февраля. Вечером того же дня Николай II издал указ о приостановке деятельности Государственной думы. Формально IV Государственная дума просуществовала до 6 октября 1917 г., но на официальные заседания после 25 февраля уже не собиралась.

⁶² Речь идет о начальнике караула, прапорщике 86-й пешей Вологодской дружины М. К. Медведеве, тяжело раненном выстрелами из толпы. См. об этом: *Николаев А. Б.* Думская революция. Т. 1. С. 269–272.

⁶³ *Тард Жан Габриель (1843–1904)* — французский социолог и криминолог, один из основателей субъективно-психологического направления в западной социологии. Автор социологической теории толпы и публики, изложенной в сборнике этюдов «Мнение и толпа» (1892).

⁶⁴ Автор ошибается — данное сравнение принадлежит французскому психологу и социологу Гюставу Лебону (1841–1931), с которым полемизировал Тард. «В толпе люди всегда сравниваются, и если дело касается общих вопросов, то подача голосов сорока академиком окажется несколько не лучше подачи голосов сорока водоносов» (*Лебон Г.* Психология народов и масс. СПб., 1995. С. 167).

⁶⁵ Речь идет о командире роты 86-й пешей Вологодской дружины, солдаты которой охраняли Таврический дворец, зауряд-капитане А. А. Чиколини. См. об этом: *Николаев А. Б.* Думская революция. Т. 2. С. 65–67.

⁶⁶ Имеется в виду Петросовет — Петроградский совет рабочих и солдатских депутатов, расположившийся в первые дни революции в комнатах бюджетной комиссии Государственной думы (№ 11, 12 и 13). Исполком Петросовета возглавил Н. С. Чхеидзе, его товарищами (заместителями) стали М. И. Скобелев и А. Ф. Керенский.

⁶⁷ Имеется в виду *Энгельгардт Борис Александрович (1877–1962)*, полковник, депутат IV Государственной думы (с 1915 г. во фракции земцев-октябристов), член Прогрессивного блока, первый революционный комендант Петрограда. См. об этом: *Николаев А. Б.* Думская революция. Т. 2. С. 279.

⁶⁸ Имеется в виду ВКГД (Комитет членов Государственной думы для водворения порядка в столице и для сношения с лицами и учреждениями) — высший чрезвычайный орган государственной власти, сформированный 27 февраля 1917 г. в ходе Февральской революции. Председатель — М. В. Родзянко.

⁶⁹ *Дмитрюков Иван Иванович* (1871 — не ранее 1918) — депутат III и IV Государственной думы, октябрист. В 1912–1917 гг. — секретарь Государственной думы. Член Прогрессивного блока, во время Февральской революции вошел в ВКГД. В 1917–1918 гг. — один из лидеров Радикально-демократической партии.

⁷⁰ Речь идет о Рабочей группе Центрального военно-промышленного комитета (далее — ВПК, ЦВПК), возглавлявшейся меньшевиком К. А. Гвоздевым. Рабочие группы ВПК создавались представителями либеральной оппозиции (П. П. Рябушинским, А. И. Гучковым и др.) с целью поставить под свой контроль рабочее движение. Рабочая группа ЦВПК призвала петроградских рабочих к однодневной забастовке в день открытия Думы. Предполагалось организовать шествие к Таврическому дворцу и потребовать создания правительства «народного спасения». В ночь на 27 января 1917 г. в помещении Рабочей группы ЦВПК был произведен обыск; к концу января все ее члены были арестованы. 27 февраля члены Рабочей группы, освобожденные в ходе восстания из тюрьмы, во главе с Гвоздевым оказались во главе толпы, которую они повели к Думе, где совместно с членами социал-демократической фракции и меньшевиками-оборонцами создали ядро будущего Петросовета.

⁷¹ С осени 1916 г. в оппозицию к Николаю II встали ближайшие родственники царя — великие князья, демарши которых получили название «великокняжеской фронды». Общим требованием великих князей стало устранение Г. Е. Распутина, отстранение от власти Александры Федоровны и введение ответственного министерства. В конце декабря 1916 г. за участие в убийстве Распутина великий князь Дмитрий Павлович был выслан в Персию в отряд генерала Н. Н. Баратова; 1 января 1917 г. как активный участник великокняжеской фронды по указу императора из столицы был вынужден выехать в свое имение великий князь Николай Михайлович.

⁷² В дни Февральской революции Петроград был наполнен слухами об использовании полицией пулеметов. Из слухов следовало, что царское правительство само спровоцировало беспорядки, чтобы, подавив их, перейти к открытой реакции. С этой целью на крышах зданий по приказу Протопопова якобы заранее были расставлены пулеметы. См. подробнее: *Лукоянов И. В.* Пулеметы на улицах Петрограда: кто и зачем стрелял в дни Февральской революции? // Политическая история России XX века: к 85-летию профессора В. И. Старцева / ред.-сост. Б. А. Гальперина, А. Б. Николаев. СПб., 2016. С. 182–196; *Румянцев А. Г.* «Полицейские пулеметы» в Феврале 1917 года: миф или реальность? // Революция 1917 года в России: новые подходы и взгляды / под ред. А. Б. Николаева. СПб., 2015. С. 37–54. — Среди историков нет единства в вопросе о том, использовались ли полицией пулеметы в феврале 1917 г. Между тем полицмейстер В. Ф. Галле в показаниях, данных ЧСК ВП, сообщал, что по инициативе товарища министра внутренних дел П. Г. Курлова в ноябре 1916 г. было решено усилить столичную полицию пулеметами. «К открытию сессии Государственной думы из 1-го пулеметного полка доставили часть пулеметов, и ночью 11 февраля 1917 г. полицейские части расставили их на крышах и чердаках по заранее составленному плану, но неумело, что в дни Февральской революции затрудняло стрельбу и уменьшило возможное число жертв» (*Румянцев А. Г.* Полицмейстер В. Ф. Галле и дело о «полицейских пулеметах» // Революция 1917 года в России: новые подходы и взгляды / под ред. А. Б. Николаева. СПб., 2017. С. 13).

⁷³ Это не совсем так. Протопопов увеличил штат и содержание полиции, взялся за создание агентурной сети в войсковых частях, пытался наладить взаимодействие жандармерии с контрразведкой. В конце января — феврале 1917 г. по его указанию проводились аресты лидеров рабочего движения. 6 февраля 1917 г. по предложению Протопопова Петроградский военный округ был выведен из подчинения Северному фронту и передан в ведение военного министра на случай возможных беспорядков в столице. Протопопов настаивал на вызове в Петроград гвардейских частей с фронта. 27 февраля 1917 г., узнав об образовании ВКГД, предлагал арестовать М. В. Родзянко, но по решению Совета министров, надеявшегося на достижение соглашения с Думой, был выведен из состава правительства.

⁷⁴ Как отмечает современный исследователь, «к началу 1917 г. в городе находилось несколько воинских частей, имевших в своем распоряжении броневики, а общее число машин превышало 80. <...> Однако попытки правительства использовать бронемашину против взбунтовавшихся солдат провалились. В большинстве случаев они оказались разоружены или испорчены» (Румянцев А. Г. Об использовании пулеметов с броневиков в дни Февральской революции 1917 года // Революция 1917 года в России: новые подходы и взгляды / под ред. А. Б. Николаева. СПб., 2018. С. 54–55).

⁷⁵ Автор ошибается. Броневики использовались Военной комиссии ВКГД уже с 28 февраля 1917 г. См. об этом: Николаев А. Б. 27 февраля 1917 г.: броневики Военной комиссии Временного комитета Государственной думы // Университетские Петербургские Чтения. 300 лет Северной столице: сб. статей / под ред. Ю. В. Кривошеева, М. В. Ходякова. СПб., 2003. С. 208–210.

⁷⁶ Всероссийский земский союз помощи больным и раненым воинам — общероссийская общественно-политическая организация, основанная в Москве в 1914 г. на съезде уполномоченных губернских земств (председатель — Г. Е. Львов). В 1915 г. союз поддержал требования думской оппозиции и, пользуясь возможностью работы на фронте, вел в армии широкую антиправительственную агитацию.

⁷⁷ Всероссийский союз городов — общероссийская организация, созданная в 1914 г. в Москве на съезде городских голов для помощи правительству в снабжении армии вооружением и снаряжением (председатель М. В. Челноков). Как и Всероссийский земский союз, объединил представителей либеральной оппозиции.

⁷⁸ В 1915 г. Земский и Городской союзы объединились в Земгор — главный по снабжению армии комитет Всероссийских земского и городского союзов.

⁷⁹ Военно-промышленные комитеты (ВПК) — организации российских предпринимателей, созданные в 1915 г. с целью мобилизации промышленности для военных нужд. ВПК объединили представителей либеральной оппозиции, требовавших создания правительства, пользующегося доверием Государственной думы. Координационным центром ВПК стал Центральный военно-промышленный комитет (председатель — А. И. Гучков).

⁸⁰ Имеется в виду брошюра: *Нодо Л.* Они не знали... (Ils ne savaient pas...). Письма военного корреспондента газеты «Le Journal» о русской армии в кампанию 1904 г. М., 1905.

⁸¹ *Шульгин Василий Витальевич* (1878–1976) — депутат II–IV Государственной думы, последовательно входил во фракцию правых, националистов и прогрессивных националистов, редактор газеты «Киевлянин». Член Прогрессивного блока. После Февральской революции избран в ВКГД. Вместе с А. И. Гучковым 2 марта 1917 г. принял отречение у императора Николая II.

⁸² *Чхеидзе Николай Семенович* (1864–1926) — меньшевик, депутат III–IV Государственной думы (председатель социал-демократической, с 1913 г. — меньшевистской фракции). В 1917 г. — член ВКГД, председатель исполкома Петроградского совета рабочих и солдатских депутатов.

Статья поступила в редакцию 21 декабря 2019 г.

Рекомендована в печать 19 мая 2020 г.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

Иванов А. А., Машкевич С. В. С. Т. Варун-Секрет. «А. Д. Протопопов и последние дни Государственной думы» // Новейшая история России. 2020. Т. 10, № 3. С. 773–796. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu24.2020.313>

Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ), проект № 19-09-00252.

Сведения об авторах: Иванов А. А. — д-р ист. наук, проф., Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург, Россия); andrey.a.ivanov@spbu.ru | Машкевич С. В. — д-р физ.-мат.

наук, вед. науч. сотр., Институт теоретической физики имени Н. Н. Боголюбова Национальной академии наук Украины (Нью-Йорк, США; Киев, Украина); mash@mashke.org

Санкт-Петербургский государственный университет, Россия, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9

Институт теоретической физики имени Н. Н. Боголюбова Национальной академии наук Украины, Украина, 03143, Киев, ул. Метрологическая, 14-б

FOR CITATION

Ivanov A. A., Mashkevich S. V. 'S. T. Varun-Secret. "A. D. Protopopov and the Last Days of the State Duma"', *Modern History of Russia*, vol. 10, no. 3, 2020, pp. 773–796.
<https://doi.org/10.21638/11701/spbu24.2020.311> (In Russian)

This research was supported by Russian Foundation for Basic Research (RFBR), project no. 19-09-00252.

Authors: *Ivanov A. A.* — Dr. Sci. in History, Professor, St. Petersburg State University (St. Petersburg, Russia); andrey.a.ivanov@spbu.ru | *Mashkevich S. V.* — Dr. Sci. in Physics and Mathematics, Leading Researcher, Bogolyubov Institute for Theoretical Physics of National Academy of Science of Ukraine (New York, USA; Kiev, Ukraine); mash@mashke.org

St. Petersburg State University, 7–9, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russia

Bogolyubov Institute for Theoretical Physics of National Academy of Science of Ukraine, 14-b, Metrolohichna ul., Kiev, 03143, Ukraine

References:

- Chemakin A. A. *Russian national democrats in the era of upheaval: 1914 — early 1920s* (St. Petersburg, 2018). (In Russian)
- Demin V. A. 'The main cause for the defeat of the rights was the secular education', *Rossiiskaia istoriia*, no. 3, 2014. (In Russian)
- Evdokimov A. V. *Political struggle around the "Sukhomlinov Affair" (1915–1917)* [Candidate of History Dissertation] (Nizhny Novgorod, 2017). (In Russian)
- Gayda F. A. *Power and the public in Russia: dialogue on the path of political development (1910–1917)* (Moscow, 2016). (In Russian)
- Ivanov A. A. "A matter of honor": *deputies of the State Duma and dueling scandals (1906–1917)* (St. Petersburg, 2018). (In Russian)
- Ivanov A. A. *The Right in the Russian parliament: from crisis to collapse (1914–1917)* (Moscow — St. Petersburg, 2013). (In Russian)
- Kulikov S. V. 'Camarilla and the IV State Duma: appointment of the deputy chairman of the lower house A. D. Protopopov as manager of the Ministry of Internal Affairs', *Tavrisheskie chteniia — 2014. Aktualnye problemy parlamentarizma: istoriia i sovremennost'*, ed. by A. B. Nikolaev, in 2 vols, vol. 2 (St. Petersburg, 2015). (In Russian)
- Kulikov S. V. *The bureaucratic elite of the Russian Empire on the eve of the fall of the old order (1914–1917)* (Ryazan, 2004). (In Russian)
- Lukoyanov I. V. 'Machine guns on the streets of Petrograd: who and why was shooting in the days of the February revolution?', *Politicheskaia istoriia Rossii XX veka: k 85-letiiu professora V. I. Startseva* (St. Petersburg, 2016). (In Russian)
- Nikolaev A. B. 'February 27, 1917: armored cars of the Military Commission of the Provisional Committee of the State Duma', *Universitetskie Peterburgskie Chteniia. 300 let Severnoi stolitse*, ed. by Yu. V. Krivosheev, M. V. Khodyakov (St. Petersburg, 2003). (In Russian)
- Nikolaev A. B. 'Varun-Secret Sergey Timofeevich', *Gosudarstvennaia duma Rossiiskoi imperii: 1906–1917: entsiklopediia*, ed. by V. V. Shelokhaev (Moscow, 2008). (In Russian)
- Nikolaev A. B. *The Duma revolution: February 27 — March 3, 1917*, vols. 1–2 (St. Petersburg, 2017). (In Russian)

- Nikolaev A. B., Gavroeva E. S. 'M.V. Rodzianko and Split of the Right-Wing Faction (November — December 1916)', *Universitetskii nauchnyi zhurnal*, no. 41, 2018. (In Russian). <https://doi.org/10.25807/PBH.22225064.2018.41.13.23>.
- Nikolaev A. B., Polivanov O. A. 'Parliamentary Elite of Russia in 1912–1917', *Iz glubiny vremen*, iss. 3 (St. Petersburg, 1994). (In Russian)
- Polikarpov V. V. *From Tsushima to February. Tsarism and military industry in the early twentieth century* (Moscow, 2008). (In Russian)
- Puchenkov A. S. *Ukraine and Crimea in 1918 — early 1919. Essays on political history* (St. Petersburg, 2013). (In Russian)
- Rumyantsev A. G. 'On the use of machine guns from armored cars in the days of the February Revolution of 1917', *Revoliutsiia 1917 goda v Rossii: novye podkhody i vzgliady*, ed. by A. B. Nikolaev (St. Petersburg, 2018). (In Russian)
- Rumyantsev A. G. 'Police machine guns in February 1917: myth or reality?', *Revoliutsiia 1917 goda v Rossii: novye podkhody i vzgliady*, ed. by A. B. Nikolaev (St. Petersburg, 2015). (In Russian)
- Rumyantsev A. G. 'Police Officer V. F. Galle and the Case of "Police Machine Guns"', *Revoliutsiia 1917 goda v Rossii: novye podkhody i vzgliady*, ed. by A. B. Nikolaev (St. Petersburg, 2017). (In Russian)
- Soloviev K. A. 'Zemstvo Members in the State Duma, 1907–1914', *Vestnik Moskovskogo universiteta, Ser. 12. Politicheskie nauki*, no. 4, 2014. (In Russian)

Received: December 21, 2019

Accepted: May 19, 2020